

Лора Бекитт

Янычар и Мадина

Лора Бекитт

Янычар и Мадина

«Литнет»

2024

Бекитт Л.

Янычар и Мадина / Л. Бекитт — «Литнет», 2024

Мансур — янычар, воин Османской империи, не знающий своего происхождения, не помнящий своих родителей. Его жизнь — это война. Но однажды в далеком черкесском селе он сражен любовью к красавице Мадине. Гордую девушку угоняют в плен и продают богатому турку. Мансур делает все, чтобы ее вызволить и добиться взаимных чувств, хотя знает, что на родине у горянки остался жених. Действие романа происходит на фоне Кавказа и Турции XVII века, а в перипетиях судеб героев скрываются ответы на вечные вопросы: далеко ли от ненависти до любви и способна ли настоящая любовь пережить любые испытания?

© Бекитт Л., 2024

© Литнет, 2024

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Глава первая	7
Глава вторая	15
Глава третья	21
Глава четвертая	26
Глава пятая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Пролог

1640 год, село Тисма, Валахия[1]

Илинка вышла из дома с ребенком на руках и остановилась, глядя на поблескивающий вдали Дунай, на пятна луговых цветов, напоминающие цветные озера, на солнечные блики, усыпавшие листву высоких деревьев. Над гребнями гор поднимались густые облака и медленно таяли в прозрачном голубом небе.

Молодая женщина опустила сына на землю и улыбнулась. Адриану было немногим больше года, и он не так давно научился ходить. Пока мальчик неуклюже ковылял по двору, его мать сидела на куче жердей, из которых ее муж Георг собирался сделать новую ограду. Илинка следила за Адрианом, одновременно наблюдая за птицами, которые то и дело выпархивали из растущих рядом с домом кустарников. Кое-где в траве мелькали хрупкие лютики и нежные ромашки. Молодая женщина решила, что когда сын станет старше, она поведет его на маковое поле, сплетет яркий венок и наденет на его темную головку.

Такой венок подарил ей Георг три года назад. Когда Илинка встретила нежный и страстный взгляд юноши, в ее крови вспыхнул яркий огонь. Она с гордостью украсила себя алыми цветами, и с тех пор они с Георгом не расставались. Сыграли свадьбу, а потом у них родился сын, дитя любви — их первенец Адриан.

Илинка посмотрела в чистое небо, в центре которого пылало золотое солнце. Георг вернется нескоро. Сейчас в Дунае хорошо ловится рыба, и мужчины до темноты возятся с сетями. Молодая женщина представила, как будет чистить жирную скользкую рыбу, чья чешуя похожа на серебряные монеты, потом вверх поднимется остро пахнущий дымок коптильни, а в котелке закипит вкусное варево. После ужина они с Георгом сядут на крыльцо, она опустит голову на плечо мужа, а рядом будет играть Адриан.

Мысли Илинки были такими же незатейливыми, простыми, как ее жизнь, ее счастье. Она радовалась, когда убирали сено, когда свозили в амбар урожай зерна, когда ягнились овцы, когда Георг надевал праздничную одежду и когда улыбался ее сын. Люди сетовали на то, что в последнее время жизнь стала тяжелее из-за усилившихся османских поборов, но что такое тяжелая жизнь, если твоя душа распахнута миру, а в сердце живет любовь?

Адриан споткнулся и упал в траву. Молодая женщина бросилась его поднимать и потому не сразу увидела мужа, который спешил навстречу и громко звал ее по имени.

Илинка выпрямилась и уставилась на него с изумлением и тревогой. Побледневшее лицо Георга было искажено отчаянием и страхом.

— Что делать?! — Он задыхался от быстрого бега. — Там османы, они едут сюда! Адриан! Куда его спрятать?!

Молодая женщина все поняла и крепко прижала к себе сына.

Это тоже была часть дани османам: раз в год они ездили по округе и забирали детей мужского пола от полутора до трех лет. Говорили, будто из мальчиков делают янычар[2] — безжалостных воинов без роду и племени, безраздельно преданных султану, верящих в Аллаха и видящих смысл жизни только в насилии и войне.

Прежде Илинка слышала истории о том, как турки врываются в дома ее соотечественников и творят беззаконие, но тогда она была слишком юной, чтобы осмыслить глубину, неправдимость и ужас горя, которое выпадает на долю осиротевших родителей, из чьих рук вырывают детей и увозят в неизвестность, перекинув поперек седла.

Молодая женщина хотела бежать со двора, но турецкие всадники уже появились возле ограды. Тогда она бросилась в сарай. Георг схватил вилы и преградил путь незваным гостям. Его глаза бешено сверкали, грудь вздымалась от тяжелого дыхания, на руках вздулись вены.

— Вы не получите моего сына! Убирайтесь вон! Иначе я вас убью!

Возглавлявший отряд турок что-то резко произнес. Один из всадников въехал в ворота и хлестнул Георга плетью. Тот поднял вилы, но не успел ударить — его рубанули саблей, и молодой человек повалился на землю, обливаясь кровью.

Два турка спешили и пошли к сараю. Илинка сидела, забившись в самый дальний, темный угол, и, казалось, боялась дышать. Когда османские войны вырвали из ее рук ребенка, она не закричала, а завывала, так отчаянно и жутко, будто ее живьем зарывали в могилу.

Мальчик заплакал. Один из турков высоко поднял Адриана, окинул взглядом его крепкое тельце и одобрительно кивнул. Потом зашагал к воротам. Илинка с воплем выскочила следом и застыла, увидев залитого кровью мертвого Георга. Потом внезапно упала на землю, раскинув белые руки, разметав длинные каштановые косы, и лежала, такая же неподвижная и холодная, как ее убитый супруг.

Османь подошли и заглянули ей в лицо. Синие глаза Илинки были широко распахнуты и смотрели в огромное небо застывшим, ничего не выражающим взглядом. Хотя на теле молодой женщины не было ни одной раны, она была мертва, она умерла в тот миг, когда поняла, что у нее отняли сына и убили мужа и ей незачем больше жить.

Турецкие войны вполголоса прочитали над мертвыми телами молитву, после чего вскочили на коней и уехали. Сына Георга и Илинки они увезли с собой.

Мальчик получил имя Мансур и был воспитан в мусульманской вере. Через двадцать лет это был мужественный, сильный, закаленный в сражениях воин янычарского корпуса, присягнувший на верность султану, идущий в бой с именем Аллаха на устах, не знавший любви и не боявшийся смерти.

[1] Валахия — историческая область на юго-западе Румынии между Карпатскими горами и рекой Дунай. Находилась под властью Османской империи с 1417 по 1859 год.

[2] Янычары — с XIV в. по 1826 г. — турецкая регулярная пехота. Комплектовалась путем насильственного набора мальчиков из христианского населения Османской империи.

Часть первая. Глава первая

1660 год, аул Фахам, Кавказ

Мадина быстро шла по узкой каменистой тропинке. Кругом вздымались громады гор, но они не пугали девушку: она привыкла к ним с детства. Порой казалось, будто вечные снега совсем рядом, — они искрились на ярком солнце, и от них веяло холодом. Однако внизу весело зеленели лужайки, напоминающие о том, что пришла весна.

Мадина дошла до условленного места, присела на большой камень и принялась ждать Айтека. Оба знали, что оставаться наедине до свадьбы нельзя — это противоречит обычаям, но такова была сила их любви и влечения друг к другу.

Впрочем, жених Мадины не позволял себе ничего лишнего. Легкое пожатие руки, изредка — мимолетный пламенный поцелуй. Подумав об этом, девушка улыбнулась и опустила ресницы. Ее лицо залил румянец. До свадьбы чуть больше месяца, а потом они будут принадлежать друг другу!

На повороте тропинки появился Айтек, и сердце Мадины затрепетало. Он выглядел таким мужественным в черной черкеске, красиво обтягивающих ноги чувяках[1], с шашкой и кинжалом на поясе, со сверкающими темными глазами и красивым смуглым лицом!

Молодой человек с восхищением смотрел на свою невесту, тонкую, грациозную, с сияющим взглядом больших карих глаз, в золотистой шапочке, из-под которой струились темно-каштановые волосы, коротком, обшитом галуном черном кафтанчике с массивными серебряными застежками, длинном красном платье, вытканном золотыми нитями поясе, шелковых шароварах и маленьких сафьяновых башмачках. Смотрел и вспоминал, как впервые увидел Мадину на осеннем празднике. Тогда Айтеку почудилось, будто с неба сорвалась звезда и упала прямо в его сердце!

Юноша не спал всю ночь и, едва дождавшись утра, пошел к своему отцу. Айтеку исполнилось двадцать два года — возраст вполне подходящий для того, чтобы жениться. Но семья Мадины считалась зажиточной, и молодой человек боялся, что отец девушки может запросить большой калым. Заслали сватов, и, к огромной радости Айтека, его семья получила согласие. С тех пор он мечтал о юной невесте и днем и ночью. Улучив момент, юноша встретился с девушкой, чтобы узнать, нравится ли он ей. Для Айтека была невыносима мысль, что любимую могут заставить выйти за него, говоря иначе — подчиниться воле долга и судьбы. Он не находил себе места до тех пор, пока не поговорил с Мاديной. Девушка не стала скрывать своих чувств и откровенно призналась Айтеку в том, что тоже его любит.

Он уговорил ее приходить на свидания, и с каждым разом эти встречи становились все более волнующими, хотя и Айтек, и Мадина знали: если об их свиданиях прослышат односельчане, обоих ждет осуждение и посторонних, и близких людей.

Ни юноша, ни девушка не думали о трудностях грядущей жизни, они мечтали только о счастье. Между тем на долю замужней черкешенки выпадали самые тяжелые работы по хозяйству в поле и дома, а мужчина был обязан обеспечивать пропитание для семьи. Черкесы редко брали двух и более жен: жизнь в этих краях слишком сурова, земля скудна, и народ хотя и трудолюбив, но беден.

Айтек подбежал к Мадине и нежно взял ее лицо в ладони.

— Замерзла?

— Нет! Уже весна...

Оба заворуженно смотрели на выгибающиеся из расщелин скал тоненькие ивовые лозы, на первые весенние цветы. Высоко над головой клубились беспрестанно меняющие форму и цвет облака. Много ниже тропинки бурлила река, чей беспрестанный шум нарушал тишину окружающего мира.

— Мой отец считает баранов, которых нужно зарезать на свадьбу, а я считаю звезды в небе и думаю о том, что это дни, которые мы проживем с тобой! — со счастливым смехом произнес Айтек.

— Вчера я уговорила сестру погадать, — призналась Мадина, — мы кидали кости, и мне выпала долгая жизнь в согласии и любви.

— Со мной?

— Разве может быть иначе? — ласково спросила девушка, нежно глядя ему в глаза.

— Надеюсь, что нет! — улыбнулся Айтек, а потом его взгляд внезапно посерьезнел, и молодой человек сурово, даже немного жестко произнес: — Я хочу, чтобы ты знала, Мадина: я никогда не прощу, если в твоей жизни появится другой! Ты должна быть только моей. Навсегда.

— Я понимаю, — взволнованно прошептала девушка.

Юноша обнял ее, и они медленно пошли по нависшей над рекою тропе. Скалы острыми углами врезались в быстро бегущую воду, а иногда возвышались над головой крутыми уступами.

Еще прежде Айтек приметил над тропинкой маленькую пещерку и сейчас задумал укрыться там от ветра и непрошенных глаз.

Они забрались наверх, вошли под низкие своды и уселись на камни. Мадина щебетала без умолку, рассказывая о своей семье, делясь мечтами о будущей жизни. У нее было две сестры, три брата, несколько племянников. Семья Мадины была веселой и дружной. Айтек искренне надеялся, что под крышей его сакли девушке будет так же привольно и хорошо, как у себя дома.

Если не помешает война. Война, что, подобно бурному потоку, катилась и текла по земле. Турки, иранцы и неведомо кто еще издавна посягали на эти земли! Отец говорил Айтеку, что их край давно завоеван османами, но юноша ни разу не видел турецких воинов и надеялся, что не увидит. Что им делать в стране высоких гор, холодных снегов и бурлящих рек!

Хотя Айтек был готов слушать любимую до бесконечности, куда больше его волновали запретные прикосновения и поцелуи. Сегодня, в укрытии, он увлекся больше обычного. Молодой человек сам не заметил, как снял с Мадины кафтан и верхнее платье и увидел тонкую, белее первого снега нижнюю рубашку и особый корсет, согласно обычаю стягивающий грудь черкесской девушки до того момента, пока она не взойдет на брачное ложе. После свадьбы Айтек должен распустить этот корсет — дабы розовые бутоны ее нежной груди раскрылись для любви, как распускаются цветы под благодатным весенним солнцем.

Мадина обвила его шею руками и не открывала глаз. Айтек поразился тому, какими невинными и одновременно страстными были ее поцелуи. Он очень хотел сдержаться, но не смог и овладел ею в полутемной пещере, на ворохе одежды. Мадина приняла его порыв и не сопротивлялась. Айтек изнемогал от блаженной истомы, он ласкал свою невесту и любовался ее телом, он понял, что будет любить и желать ее до тех пор, пока его жизнь не иссякнет и глаза не сомкнет смерть.

Потом он помог ей одеться. Руки Айтека были удивительно непослушными, а тело Мадины пробирала дрожь. Больше всего на свете Айтек желал, чтобы это воистину небесное блаженство повторилось еще раз, но он знал, что девушке пора возвращаться домой.

— Я схожу с ума от любви к тебе! А ты? Ты рада? — Юноша пытался заглянуть в ее глаза.

— Да! — пылко ответила она и опустила ресницы. Мадина знала, что согрешила, но могла ли она противиться мужчине, которого полюбила со всей полнотой неискушенного сердца и мечтательной души?

— Скоро свадьба! — пылко произнес молодой человек. — А потому ни о чем не думай! Даже если... — он смущенно помедлил, а после решительно закончил: — Никто ни о чем не догадается, просто скажем, что ребенок родился чуть раньше срока.

Мадина быстро кивнула, не поднимая глаз.

— Ты придешь? — с надеждой спросил Айтек, предвкушая новое безумное сближение, еще большие восторги души и плоти.

— Приду.

— Завтра?

У нее не хватило сил отказать любимому.

— Да.

Молодой человек с восторгом воскликнул:

— Я буду ждать!

— Скажи, — тихо промолвила девушка, — ты не станешь думать, будто я...

Айтек не дал закончить. Не взирая на испуганный возглас Мадины, он спустился вниз по крутой скале и сорвал чудом выросший на камнях одинокий цветок, напоминающий огонек свечи, случайно оброненный драгоценный камень или капельку крови. Принимая от любимого этот бесценный дар, Мадина приняла и запретный поцелуй, будто тайная печать скрепивший то, что произошло между ними.

Мудрые люди аула могли бы сказать: против запретов не только их близость, но и их любовь, и неважно, что юноша и девушка обещаны друг другу. Нельзя столь исступленно ни любить, ни желать — это заказано Божьей волей, ибо всякий человек — всего лишь глина в руках Аллаха, а созданные им сердца — не воск и не камень перед чувствами другого смертного: они покорны только воле Всевышнего.

Айтек и Мадина встречались в пещере шесть дней — ровно столько времени понадобилось мусульманскому Богу для того, чтобы создать мир, а юным влюбленным — для того, чтобы их чувство окончательно созрело и окрепло. В последний день разразилась гроза, снаружи метались стрелы молний, их отсвет озарял каменное ложе. Именно тогда Мадина впервые познала пронзительное блаженство тела и металась в объятиях невидимого огня, изнывая от страсти. Гроза задержала влюбленных в пещере дольше обычного, и когда они вышли наружу, то выглядели обессиленными, бледными, но при этом — гордыми и счастливыми.

Айтек проводил Мадину до начала тропинки, выходящей по выбитым в камне ступеням и ведущей к усадьбе ее отца, всеми уважаемого, богатого и влиятельного Ливана.

Во дворе девушку встретила младшая сестра Асият. Она была на два года моложе Мадины — недавно ей исполнилось четырнадцать.

— Где ты была? — зашептала она, с опаской оглядываясь на дом.

— Гроза помешала мне вернуться раньше, — ответила Мадина, стараясь казаться спокойной.

— К нам приходила Зейнаб — она спрашивала, почему мы давно ее не навещали!

Зейнаб, старшая из сестер, вот уже пять лет как жила в соседнем ауле.

— Мать слышала? — с тревогой произнесла Мадина.

Асият помотала головой.

— Нет, она была в поле.

Девушка облегченно вздохнула. Все это время она притворялась, будто ходит к старшей сестре для того, чтобы помогать нянчить детей.

— Где ты пропадала, Мадина?! — глаза младшей сестры были полны острого любопытства и волнующего предчувствия запретного.

— Потом расскажу. Только молчи! — взмолилась та и сжала руку Асият.

На пороге сакли появилась мать девушек, Хафиза, еще не старая, очень прямая и стройная женщина. Тяжелая работа и безжалостное время не успели стереть с ее лица следов некогда поразительной даже для этих мест красоты. Увидев старшую из двух пока еще незамужних дочерей, Хафиза покачала головой и строго произнесла:

— С каких это пор среди нас принято постоянно носить праздничную одежду, Мадина? Разве в будний день с тебя не довольно сыромятных башмаков и холщового платья? Едва ли

твоей будущей свекрови понравится невестка, которая думает только о нарядах! Сегодня в последний раз пересмотри свое приданое и больше не открывай сундуки.

Хафиза оглядела дочь. Во внешности Мадины было что-то безудержно яркое, горячее; она редко опускала глаза, смотрела прямо и гордо. Между тем сочетание дерзкой красоты и смелого нрава не слишком удачно, разумные мужчины предпочитают послушных и незаметных женщин, способных хорошо вести дом, могущих принять на себя груз забот о детях, умелых и терпеливых хозяек.

Встретив придирчивый взгляд матери, Мадина смутилась и покраснела. Она наряжалась ради Айтека, но не могла признаться в этом, потому просто опустила голову и пробормотала извинения. И в тот же миг ее разум пронзила отчаянная мысль: что сделала бы мать, если бы узнала правду? А отец?! Убил бы? Кого? Ее, Айтека? Сумел бы понять, почему они не смогли подождать?

Мадина вошла в саклю вместе с сестрой. Хотя семья Ливана слыла зажиточной, обстановка дома была очень проста: низкие деревянные столики, застланные войлоком кровати. В земляном полу — обмазанный глиной очаг.

Девушка переделалась, потом они с Асият принялись перебирать приданое Мадины: цветные и белые рубашки тонкого полотна, шелковистые шаровары, выстеганный золотом бешмет, широкий пояс с массивными серебряными бляхами, кисейные платки и полупрозрачные вуали, мягкие сафьяновые башмаки, золотые и серебряные шапочки с бархатной подкладкой. Асият несколько раз порывалась спросить сестру о том, что ее интересовало, но Мадина всякий раз прижимала палец к губам и качала головой.

Увлеченные, они провозились до тех пор, пока горные вершины не покрылись пылью лунного света, а по небу не рассыпались звезды.

Хафиза позвала дочерей ужинать. Ливан и старшие сыновья ушли в горы на несколько дней; дома остался только восемнадцатилетний Керим. Ели все вместе, как это обычно бывало, если в доме не гостили посторонние: вокруг подноса усаживались и мужчины, и женщины, и хозяева, и слуги. Пожилая служанка подала просяную кашу, вареную баранину, молоко и сыр.

Вопреки обыкновению, ужин проходил в молчании. Хафиза была задумчива и не произносила ни слова; молодежи и слугам передалось ее настроение. Мадине казалось, будто мать все еще сердится на нее; на самом деле женщина думала о дочери с иным чувством.

Скоро им предстоит расстаться. Хафиза не знала, какие советы дать дочери. Мадина была самой красивой из сестер, самой живой, мечтательной, порывистой и смелой. Как ни странно, именно эти качества делали ее по-особому незащищенной перед разочарованиями грядущей жизни, в которой ее ждут не только любовь и счастье.

Что может противопоставить смертный превратностям судьбы? Лишь тихая и оттого незаметная стойкость помогает выжить в череде горестей и радостей непредсказуемой людской доли. Жизнь учит терпению, воспитывает силу духа, но при этом незаметно высасывает телесные силы. Приходится бороться с ветрами и скудостью почвы, каждая горстка которой отвоевывается у камня, и принимать жизнь такой, какова она есть, с ее бесконечными трудами, частыми ошибками и редкими радостями. Замужняя женщина должна угождать супругу, свекрови и детям, стараться быть спокойной, приветливой и веселой, а много ли счастья выпадает на ее долю? Привычка к покорности охлаждает сердце и убивает порывы души.

Тем не менее Хафиза никогда не мечтала изменить свою жизнь. Что толку искать иной судьбы? Это верно и для женщины, и для мужчины. Любые, даже самые благие стремления могут превратиться в ненасытные желания, которые невозможно утолить, немало гордецов заканчивают жизнь потерей веры в успех своего дела, жалобами на горечь изгнания и измену друзей.

После ужина Мадина и Асият улеглись спать. Забрались в кровать, укрылись овчинами и прижались друг к другу — ночной ветер был еще холоден, хотя днем солнце жгло лицо и нагревало камни.

Пришла пора поговорить по душам, но старшая сестра не знала, как признаться младшей в том, что она совершила. Мадине казалось, будто отныне их с Асият разделяет невидимая стена. Девушка решила ограничиться полуправдой.

— Я не ходила к Зейнаб, я встречалась с Айтеком. Потому и наряжалась в праздничную одежду.

Асият приподнялась на локте. Ее испуганные глаза резко выделялись на залитом лунным светом лице.

— Ты не боишься?!

— Чего?

— Встречаться с мужчиной, быть с ним наедине! А если кто-то увидит, узнает?

— Скоро наша свадьба.

— Все-таки это против правил, — пробормотала Асият и спросила: — И что вы делаете? Мадина была рада, что в темноте незаметно, как покраснело ее лицо.

— Разговариваем, гуляем... — Потом решительно тряхнула головой, отгоняя тень сомнений, страха и стыда, и воскликнула: — Боится ли упасть орел, что парит над пропастью, думают ли выросшие под снегом цветы о том, что их жизнь коротка, может ли остановиться речка, которая бежит по дну ущелья, и знает ли она о том, куда течет?!

Она замолчала, и некоторое время Асият тоже не произносила ни слова. Потом тихо промолвила:

— Айтек красивый! Ты часто думаешь о нем?

— О да!

— Ты не забудешь обо мне, когда выйдешь замуж?

Мадина крепко обняла сестру.

— Конечно, нет! Я стану часто приходить в гости, и ты тоже будешь меня навещать.

— Мы не сможем так много разговаривать. Тебе придется думать о семье, о муже. Ты переселишься в дом Айтека, а я останусь одна.

У Мадины заныло сердце. Она начала понимать, что скоро навсегда расстанется с прежней жизнью, что в эти чудесные, полные безрассудства дни в последний раз вкушает свободу. Что ждет ее в будущем? Наверняка, не только радость. Чужой аул, чужая семья, иные порядки, незнакомые люди...

Девушка постаралась отвлечься от тревожных мыслей и принялась утешать сестру:

— Через два-три года ты тоже выйдешь замуж, и твой муж будет так же красив, силен и смел, как Айтек.

Обе принялись мечтать о свадьбе, вспоминали о том, как было весело, когда выходила замуж их сестра Зейнаб и женился старший брат Азиз. Говорили о музыкантах, о состязаниях и играх. Об угощении и нарядах. О свадебном поезде. О лошадях, чья сбруя убрана красивыми бляхами. После сестры незаметно уснули и проснулись тогда, когда головокружительные высоты ущелья посветлели, а горные вершины окрасились нежным багрянцем.

Мадина вышла во двор, и лучи жаркого солнца ударили в лицо. Усадьба Ливана была построена на скале, и с высоты был хорошо виден почти весь аул.

Над плоскими крышами домов медленно кружили птицы. Жители просыпались, выходили на крошечные балконы, спускались во двор, принимались за привычную работу. То тут, то там струился ввысь голубой огонек очага. Мягко шелестела листва, нежно зеленели лоскутки любовно возделанных полей.

Мадина знала, что сегодня не увидится с Айтеком: как и ее отец, он ушел на охоту в горы. Что ж, пожалуй, в самом деле лучше остаться дома и помочь матери по хозяйству. Девушке

меньше всего хотелось, чтобы кто-нибудь подумал, что она отлынивает от работы. Ведь слухи и сплетни, как юркие ящерицы: стоит сделать один неверный шаг, и они разбегаются в разные стороны — не догонишь и не поймаешь!

После зимы нужно было просушить тюфяки, одеяла, подушки. Мадина принялась выносить их во двор и раскладывать на траве, развешивать на ограде. Она работала сосредоточенно, быстро, но ее взгляд оставался неподвижным: девушка думала о своем. Неожиданно в голову пришли странные мысли. До сего момента она не боялась за свою любовь, она лишь радовалась ей. Но недаром говорят, что человек носит в себе запечатанную книгу, в которой написана его судьба, и не волен знать, что с ним случится в следующий миг!

Мадина испуганно прижала руки к груди. Сердце билось отчаянно и тревожно, будто пойманная птица! Что это с ней?! Айтек любит ее, а она — Айтека, через месяц свадьба, впереди вся жизнь!

Девушка услышала стук копыт, глянула вниз и увидела всадника — он мчался во весь опор по тропинке, по которой разумные люди ездят только шагом. Скрылся за поворотом, вынырнул снова, остановил коня, спрыгнул на землю и принялся подниматься вверх.

Прадед Мадины не случайно построил саклю на выступе скалы: сюда можно было подняться лишь по крутой узкой тропинке. Усадьба напоминала неприступную крепость. Даже двое мужчин могли с успехом оборонять ее несколько дней, пока не подоспеет подмога.

Мадина изумилась, увидев Айтека, и тут же бросилась к нему. А он остановился и замер, глядя на ту, что была его счастьем, его судьбой.

Многие горянки красивы: великолепные волосы, стройные тела, точеные лица, выразительные глаза не редкость. Но не часто кажется, будто красота — дар высших сил. Даже босая, в простом платье, без украшений Мадина выглядела так, будто спустилась с небес.

— Что случилось?!

— Я встретил твоего отца, он велел мне скакать сюда, чтобы предупредить вас и других людей. Османы! Ливан видел их с гор. Их очень много, целая армия, они идут сюда! Придется сражаться — мы не можем допустить, чтобы они пришли в наш аул!

Глаза Айтека были полны страха — не страха битвы, страха за любимую женщину.

Мадина, задыхаясь, вцепилась в рукав его одежды.

— Что нам делать?!

— Позови Керима. Но прежде... — Айтек вынул небольшой, с ладонь, кинжал, вложил в руку своей невесты и тихо, но твердо произнес: — Возьми. Ты не должна достаться другим мужчинам, не должна стать добычей наших врагов. Беги в горы. Возьми еду и теплое платье. Пережди. Надеюсь, мы сумеем их прогнать, и я вернусь к тебе.

Мадина не успела ответить — к ним подошла непривычно взволнованная Хафиза.

— Что происходит, Айтек?

Молодой человек повторил то, что сказал своей невесте, и добавил:

— Ливан велел передать, чтобы Керим пока оставался здесь и все остальные тоже. Но... — он сделал паузу. — Мадина пусть идет в горы.

— Мадина? Почему?

— Потому что так решил я.

— Ты? — Темные глаза Хафизы, не мигая, смотрели в лицо юноши. — Пока ты не стал ее мужем, Мадина должна подчиняться отцу.

В глазах Айтека вспыхнул огонь тревожного нетерпения, безудержного волнения и тайной страсти.

— Знаю, — как можно спокойнее произнес он, сдерживая эмоции, — и все же прошу тебя и Керима позволить Мадине поступить так, как велел я. И будет лучше, если ты, Хафиза, и Асият тоже уйдете в горы.

— Ты думаешь... — женщина не осмелилась произнести вслух то, что пришло в голову.

— Их слишком много. И если они придут сюда...

Мадина воскликнула:

— Айтек! Не уходи! Оставайся с нами! Здесь мало мужчин, только Керим и двое слуг, — ты сможешь им защищать усадьбу!

Молодой человек покачал головой. Его губы тронула печальная усмешка. Женщин всегда волнует свой дом и очаг, но он — мужчина, и его долг защитить не только усадьбу, но и свой край, свою родину. Хотя сердце Айтека разрывалось от тревоги за возлюбленную, он был должен уйти.

— Мне нужно вернуться к твоему отцу и братьям, к другим мужчинам. Мы постараемся напасть первыми, с гор, или, быть может, устроим обвал, чтобы преградить османам путь в наш аул.

Айтек не мог сказать то, о чем думал. Их было меньше, чем турков, значительно меньше. Его душа была полна юношеской храбрости и гневного пыла, но он был умен и понимал, чего стоит горстка мужчин перед тучей врагов, для которых война была ремеслом и смыслом жизни. Сам Айтек никогда не видел янычар, но его отец рассказывал о тех немыслимых зверствах, какими славились турецкие воины.

Подошел брат Мадины, Керим, и Айтек попросил его позволить девушке покинуть усадьбу и спрятаться в горах.

— Иначе я не буду знать покоя и стану думать только о ней, — сказал он.

Керим согласился, но прибавил, что мать и младшая сестра останутся в усадьбе.

— Я умру, но ни один враг не войдет в нашу саклю! — храбро заявил восемнадцатилетний юноша.

Видя, что спорить бесполезно, Айтек кивнул. Он не мог обнять Мадину на глазах у ее родных и ограничился тем, что кивнул невесте, а потом повернулся и, не оглядываясь, вышел за ворота усадьбы.

Мадина стояла не двигаясь. Все, что Айтек не имел возможности произнести вслух, она прочитала в его глазах. В них было что-то пугающее, какой-то странный, незнакомый огонь. То было бесстрашие перед смертью, готовность к вечной разлуке и негибимое мужество воина. Душа Мадины похолодела. Если он умрет, ей этого не вынести!

Она оделась легко и удобно, взяла с собой вяленое мясо и лепешки. На ногах были чевяки, в которых можно без труда лазать по горам, голова повязана серым, под цвет камней платком.

Мадина обняла и поцеловала мать, сестру и брата. Тяжелее всего далось прощание с Асият — в последние годы они стали очень близки, к тому же сестренка выглядела такой беспомощной и наивной.

— Все будет хорошо, — сказала Мадина, сжимая руку Асият. — Мужчины прогонят врагов, и мы проживем как прежде.

В больших глазах младшей сестры стояли слезы.

— Я боюсь, Мадина!

— Не бойся. Помни, я скоро вернусь!

Вскоре родная сакля осталась далеко внизу, и Мадина очутилась в царстве каменного океана, чьи навеки застывшие волны, казалось, подпирали небеса. Отсюда можно было увидеть, как по дну ущелья стремительно бежит бурно пенящийся поток горной речки. Когда девушка поднимала голову, то видела птичьи гнезда, что ютились на неприступных вершинах, и самих птиц, медленно и величаво круживших в бездонном небе, а еще жилища диких пчел в маленьких норках на все той же недостижимой высоте.

Здесь было потрясающе красиво, но в сердце Мадины не утихала тревога. Она побрела по горам в сторону перевала. Айтек велел ей скрываться недалеко от усадьбы, но Мадина не

могла сидеть на месте. Быть может, удастся увидеть, что там творится! Потом она вернется обратно и станет наблюдать за родным аулом.

[1] Чувяки — мягкая кожаная обувь без каблуков у народов Передней Азии и Кавказа.

Глава вторая

К середине XVII века Османская империя обладала огромными территориями на трех материках и продолжала вести бесконечные войны, как за завоевание новых земель, так и за удержание прежних. На сей раз турецкая армия отправилась в поход против иранцев, которые претендовали на прикаспийские владения Османской империи. Волею судьбы путь войска пролегал через аул, в котором жила Мадина. Турки не собирались сражаться с черкесами; в худшем случае они забрали бы хороших лошадей и угнали в плен с десятков красивых женщин.

В середине дня войско сделало привал, и вскоре над лагерем заструился ароматный дымок готовящегося плова. Для командиров были раскинuty шатры, простые воины расположились вокруг костров. Молодежь, как водится, сидела отдельно: не оттого, что таков был обычай, просто у молодых янычар были свои интересы, свои разговоры и шутки. Души многих из них пока не огрубели от войны, а в сердцах еще жили юношеские мечты. Кое-кого интересовала не только военная добыча, но и окружающая природа, обычаи тех стран, через которые пролегал их путь.

— Я никогда не видел таких высоких гор, — задумчиво промолвил молодой воин по имени Бекир, глядя на острые зубчатые гребни. — А может, и видел...

— Ты что, не помнишь? — произнес другой, зачерпывая пригоршню горячего рассыпчатого плова и с наслаждением отправляя в рот.

Обычно питание янычар было довольно скудным — вяленая или сушеная баранина, хлеб, лук, да вода, но в сложных, требующих выносливости и сил походах и перед важными битвами их кормили вкусно и сытно.

— Может, и не помню! Разве ты знаешь, Ахмед, о том, где родился и к какому народу принадлежишь? — вполголоса произнес Бекир и опасливо оглянулся.

Об этом не было принято говорить — если его слова услышит ага[1] или его приближенные, наказания не избежать.

Его товарищ равнодушно пожал плечами, но Бекир не успокаивался.

— Вот ты, Мансур! Неужели ты никогда не задумывался о том, кто ты на самом деле? — обратился он к другому янычару, и тот спокойно сказал:

— Я воин Аллаха. Он направил меня на истинный путь и научил всему, чего я не знал.

— Говорить с тобой все равно, что беседовать с муллой[2]! — рассмеялся Бекир и махнул рукой.

Мансур ничего не ответил. Его считали неразговорчивым и нелюдимым. Нельзя сказать, что он сторонился товарищей, — так или иначе, им приходилось жить в одной казарме, — но никогда не затевал разговоров, и никто не знал, о чем он думает. Он слыл искусным воином: говорили, что выпущенная им стрела летит дальше ружейной пули и что удар его сабли способен разрубить человека на две половинки. Он служил в пехоте, но при этом прекрасно ездил верхом и отлично плавал. Мансур был безжалостен к врагам, неприхотлив и вынослив, как и подобает настоящему янычару, но при этом странно равнодушен к деньгам и военной добыче. Казалось, он воюет лишь для того, чтобы воевать.

Лицо Мансура не было смуглым от природы, но оно загорело и обветрилось в походах. Большие синие глаза под темными ресницами и бровями были бы очень красивы, если б не застывшее в них выражение ледяной отрешенности. Он беспрекословно подчинялся воинской дисциплине, никогда не нарушал приказов. Его нельзя было обвинить в кровожадности — он не убивал стариков и детей, не насиловал женщин. Это был истинный воин, не задающий вопросов о том, какова природа отношений между Богом, человеком и миром, смело и без оглядки идущий вперед и не ищущий для себя иной доли.

— Говорят, здесь живет воинственный народ, — сказал Бекир. — Если так, нам придется нелегко — попробуй-ка, повоюй в незнакомых горах!

— Мы идем сражаться с иранцами, — заметил Ахмед. — Эти земли без того наши. К тому же что тут возьмешь? Посмотрите вокруг! Всюду лишь голый камень... Едва ли в таком месте живут богатые люди!

— Здесь есть то, что есть везде. Женщины! — вкрадчиво произнес Бекир. — Сам ага говорил о том, что горянки дивно хороши!

Янычары любили поговорить о женщинах — как о небесных девах, так и о земных красавицах. Согласно закону, они не имели права жениться, хотя высшие чины, как правило, содержали наложниц и имели детей. Остальные довольствовались случайными связями и нередко брали женщин силой.

Мансур не принимал участия в беседе. Однажды, в Венгрии, он решил последовать примеру товарищей: поймал на улице красивую девушку, приволок в пустой дом и бросил на кровать. Молодой воин был много сильнее и без труда справился бы с ней, но его остановило выражение ее глаз, полное такого отчаяния и страха, какое не способно выразить слово. Увидев взгляд несчастной пленницы, Мансур подумал о том, что на его душу ляжет несмываемая печать угрызений совести. Он разжал руки и отпустил девушку. Позднее, в Стамбуле, вездесущий Бекир показал Мансуру дом молодой христианки, с которой можно легко сговориться за пару десятков акче[3].

Хотя на сей раз все происходило по обоюдному согласию, и молодой янычар заплатил даже больше обычного, проведя с ним нескольких ночей, девушка попросила Мансура больше не приходить в ее дом. В его молчаливости и мрачности ей чудилось что-то пугающее и безжалостное. А Мансур сделал вывод, что не нравится женщинам, и постарался не думать о них, а свои юношеские силы и пыл расходовал в военных упражнениях, походах и битвах.

Вдоволь насытившись, наговорившись о женщинах, янычары принялись устраиваться на ночлег, предварительно договорившись о том, кто и когда будет стоять в карауле. Ночи в горах были холодны, и воины завернулись в овчины.

Мансур долго не мог заснуть, ему казалось, будто он заперт в огромном подземелье, из которого нет выхода. Монотонно шумела река, изредка с высоты срывался камень. В этой горной стране малейший звук рождал раскатистое эхо; даже хлопанье птичьих крыльев звучало угрожающе и зловеще. За время путешествия по горам они не встретили ни одного человека, что было довольно странно. Казалось, люди затаились и наблюдают за ними.

Едва Мансур начал погружаться в сон, как вдруг что-то дрогнуло, загрохотало, обрушилось сокрушительным потоком! Воины вскакивали, хватались за оружие, зажигали факелы, метались, не зная, что делать, где искать невидимого врага. С гор слетела лавина камней, она преградила дальнейший путь, вдобавок часть лагеря оказалась погребенной под валунами — несколько десятков человек погибло, многие были ранены.

Командующий янычарским корпусом Джахангир-ага немедленно собрал совет. Воины гадали, что это — деяния Аллаха, природы или злой человеческий умысел, и думали, как быть дальше. Решили подождать до утра, а пока позаботиться о раненых и похоронить мертвых.

Утром послали вперед разведку, которая не обнаружила ничего подозрительного, и через несколько часов, кое-как расчистив завалы, войско двинулось в путь.

Мансур считал, что камни столкнули люди. Прежде Бог не подавал армии знаков поворачивать назад, ибо война священна, и она зовет только вперед. И неважно, если там, впереди, тебя ждет смерть, ибо воин рожден для того, чтобы воевать и умереть в сражении. Такие мысли ему внушали с детства, и он верил, как верил в то, что Аллах един и всесилен и что он даровал ему, Мансуру, единственное и самое прекрасное в мире счастье: знать, для чего ты живешь.

Мадина долго следила за османским войском. Она понимала, что оно движется к родному аулу, и изнывала от тревоги. Девушка догадалась, что ночью мужчины столкнули с гор камни,

но этого оказалось недостаточно для того, чтобы заставить турков повернуть назад. Как бы она хотела оказаться рядом с Айтеком, отцом, братьями и другими мужчинами аула! Но Мадина знала, что сейчас мирные горцы превратились в воинов, а война — не женское дело, и ей среди них не место.

Османам всего-то и стоило, что миновать гигантскую теснину, где слева и справа высятся гигантские отвесные, отшлифованные ветрами стены. Конец этого исполинского коридора столь узок, что по нему можно пройти лишь по одному, друг за другом, да и то почти касаясь холодного камня, по тонкой, нависающей над неширокой, но бурной рекою тропинке.

Сразу за тесниной начинался ее родной аул, затем шли другие селения.

Мадина догадывалась, что мужчины аула встретят турков в конце коридора. У ее отца, братьев и еще некоторых горцев имелись массивные кремневые ружья, остальные были вооружены шашками и кинжалами. Что может им помочь? Разве что вера в божью справедливость и осознание того, что за их спиной — маленькая родина, все то, чем жили многие поколения предков.

Девушка присела на камень. Она понимала, для того, чтобы поддержать силы, нужно поесть, и развязала узелок. От лепешек чуть пахло дымом, и девушка с тоской подумала о доме и о своих родных.

Мадина решила вернуться к аулу. Она сама не заметила, как далеко забрела. Обратный путь мог занять едва ли не сутки, тем более идти придется лишь днем: ночью по горам способен путешествовать только безумец!

Горная местность была налита тишиной, камни нагрелись от солнца, которое казалось очень большим и очень близким. Порой Мадине чудилось, будто все, что произошло совсем недавно, всего лишь сон. Она просто ходила в горы собирать целебные травы, а теперь возвращается обратно. Дома ее встретят мать и Асият, вскоре отец и братья вернутся с охоты, продолжится привычная жизнь. А потом она выйдет замуж.

И тут Мадина похолодела. Она начала подозревать, что ничего не сбудется. Мужчины аула против турков — как трава против ветра, тогда как османы — словно туча ворон над телом измученного животного: они захватят аул и уничтожат все, что захотят уничтожить. В том числе ее будущее, ее счастье.

В полдень следующего дня девушка подошла к селению. Она стояла на высоте и пыталась понять, что творится внизу. Вчерашним вечером она слышала крики и выстрелы — их доносило эхо, но Мадина не знала, чем закончился бой.

На свой страх и риск она спустилась ниже и увидела родную усадьбу. Пустой двор, вокруг ни души. Аул был виден плохо, но девушке чудилось, будто она слышит непривычный шум, крики...

Мадина сошла по крутой тропинке и заглянула в ворота. На мгновение отшатнулась, увидев на земле следы крови, а после вихрем ворвалась в дом. Никого! Все перевернуто вверх дном, сундуки открыты, на полу валяются какие-то тряпки.

Девушка побежала в кунацкую[4]. Со стен исчезли драгоценный шашки — гордость отца, лезвием клинка которых можно было разрубить подброшенный в воздух платок, и украшенные серебром кинжалы.

Кто-то увел лошадей и скот и забрал запасы продуктов.

Мадина поняла, что произошло непоправимое. В родной сакле побывали враги, они убили или взяли в плен ее родных и ограбили усадьбу.

Забыв об осторожности, она бросилась в аул и в первом же проулке натолкнулась на старую Гюльджан. Эта женщина жила совершенно одна в горной хижине и приходила в селение только тогда, когда кто-то тяжело заболел. Односельчане часто сами ходили к ней за амулетами, целебными мазями и отварами или когда хотели истолковать какой-либо сон. Говорили,

будто старая знахарка умеет творить чудеса и способна излечивать самые страшные болезни, переломы и раны.

Ходили слухи, что судьба Гюльджан сложилась подобным образом из-за одной трагической истории. Много лет назад, когда она была девушкой, ее полюбили два молодых горца. Они вступили в поединок, и оба погибли, сражаясь за любовь прекрасной черкешенки. После она так и не вышла замуж и уединилась в горах.

Увидев Мадину, Гюльджан испуганно махнула рукой.

— Откуда ты взялась?! Уходи! Беги в горы! Там твои родные!

Сердце девушки подпрыгнуло от радости.

— Я видела Хафизу и Асият — они взбирались по склону, — продолжила старая женщина. — Кажется, турки их не догнали. Но они побывали в вашей усадьбе. Убили слуг и Керима. Кто-то из наших мужчин, тех, что остались в ауле, забрал тела, чтобы их никто не осквернил.

Мадина вскрикнула и закрыла рот рукой. Из глаз хлынули слезы.

Гюльджан покачала головой и сурово произнесла:

— Не плачь. Это всего лишь первая потеря. Их будет много. Никогда не знаешь, кого и что придется оплакивать в жизни!

— А где мой отец, другие братья и... жених?

— Мужчины пытались преградить путь в аул, они сражались не на жизнь, а на смерть, но враги все равно вошли в Фахам. Говорят, среди наших много убитых. Кто-то сумел укрыться в горах. — Старуха покачала головой. — Земля полита кровью, будто дождем, и вода в реке стала алой, как пламя!

— А что в ауле? — с трудом справившись с собой, спросила Мадина.

— Османы бросились грабить дома, но много ли возьмешь с наших людей! Говорят, им приказано не трогать женщин, — все-таки мы люди одной веры! — но не думаю, что этих волков так просто остановить. А потому не вздумай показываться им на глаза. Ты слишком красива! Иди обратно в горы, попытайся найти своих. Османы не останутся тут навсегда, пойдут дальше, и тогда ты вернешься обратно.

Девушка поблагодарила Гюльджан и поспешила наверх, туда, где небо будто ощерилось огромными острыми зубами. Как жаль, что ни горы, ни камни, ни небо, ни солнце не способны помочь жителям аула в их беде! И как плохо, что порою могущество и сила бывают так далеки от справедливости!

В горах существовали свои незаметные, тайные, неведомые чужестранцам пути и укрытия. Через некоторое время Мадина нашла покрытую густой травой небольшую ложину. Здесь обычно встречались охотники, когда возвращались домой с добычей.

Девушка не ошиблась. Она увидела братьев и других мужчин аула. Всего их было человек двадцать, не больше. Неужели остальные погибли?! Мадина не заметила среди усталых измученных воинов ни отца, ни Айтека.

— Мадина! — один из братьев, Азиз, узнал девушку и помахал рукой. — Иди скорее!

Она подбежала, и молодой человек обнял ее за плечи.

— Откуда ты?

— Я скрывалась в горах, потом побывала в ауле.

Мужчины принялись расспрашивать о том, что происходит в селении. Мадина рассказала то, что узнала от Гюльджан.

— Надеюсь, маме и Асият удалось укрыться. Но Керима... Керима убили. Усадьбу ограбили. Гюльджан сказала, османы заняли весь аул и туда нельзя возвращаться, — тяжело произнесла она.

Азиз резко разрубил рукой воздух и горестно покачал головой.

— Нужно сообщить отцу.

— Он здесь?!

— Да. Он ранен. Пойдем.

Ливан лежал на овчине и тяжело дышал. Когда он увидел Мадину, его лицо просветлело.

— Хвала Аллаху! Ты жива и невредима! Успела убежать?

— Айтек велел мне идти в горы прежде, чем османы подошли к Фахаму. Как вы, отец?

Он сурово кивнул.

— Думаю, все обойдется. Лучше расскажи, что ты знаешь.

Девушка присела рядом и повторила то, что говорила Азизу и другим мужчинам. Она увидела, как дрогнуло лицо отца, когда он услышал о гибели Керима. Ливан стиснул зубы и помотал головой.

— Что делать, отец? — в отчаянии прошептала Мадина.

— Мы не можем их остановить. Мужчины других аулов — тоже. Турки хорошо вооружены, и их очень много! Впервые в жизни я ощущаю бессилие, — помолчав, промолвил Ливан.

— Остается ждать? — тихо спросил Азиз, и отец сурово ответил:

— Да.

— Где Айтек? — робко спросила Мадина. Сердце девушки замерло. Ей казалось, оно никогда не забьется.

— Айтек... Не знаю, дочка. Боюсь, с ним случилось самое страшное, — тяжело произнес Ливан. Но его глаза тут же загорелись неистовым огнем, и он прибавил: — Впрочем, нет, умереть в бою за свою землю — далеко не худшая судьба для воина!

Мадина дрожала мелкой дрожью. Сердце билось часто, сильно и больно. Но слез не было. Потому что горе было слишком внезапным, невыносимым? Или потому что она... не поверила?

— Вы видели его... мертвым, отец? — собравшись с силами, спросила девушка.

Ливан начал говорить, осторожно подбирая слова:

— Айтек был очень смел, до безрассудства, он кидался на врагов, как дикий зверь, и один убил, наверное, пятерых. Мы все бились, как одержимые, но... янычар было слишком много! Они шли на нас тучей, стеной! Я видел, как твоего жениха ранили саблей и проклятый осман толкнул его в реку. Я не мог помочь, я сражался, меня окружали враги. Потом нам пришлось отступить...

Мадина замерла. Само по себе падение в реку, в бурлящий поток, на острые камни, грозило гибелью.

Внезапно девушка выпрямилась во весь рост и произнесла срывающимся голосом:

— Я... я буду искать его отец, буду искать, пока не найду!

— Нет, Мадина, — твердо проговорил Ливан, — ты останешься с нами. Я не могу отпустить тебя одну. Кругом враги. Уж если *мы* не рискуем трогаться с места... Не теряй голову. Надо немного подождать. Пройдет время, и мы все узнаем.

«Как можно ждать, когда Айтек, быть может, умирает, беспомощный и покинутый всеми!» — хотела воскликнуть девушка и вдруг прочитала в глазах отца его мысли. Ливан был твердо уверен в том, что Айтек погиб, и хотел смягчить ее горе, сделать так, чтобы она постепенно свыклась с неизбежным и осознала непоправимое.

— Я пойду, пойду! — закричала она, цепляясь за остатки надежды и веру в справедливость судьбы.

Хлынули слезы — жгучие, бурные, неудержимые. Мадина побежала прочь, не слушая окриков, ослепленная горем, надеждой, отчаянием и любовью.

[1] Ага — начальник янычарского корпуса. Титул армейского командира или высокого чиновника на гражданской службе.

[2] Мулла — руководитель мусульманской общины, мечети; знаток богословия.

[3] Акче — серебряная монета, основная денежная единица в Османской империи до конца XVII века.

[4] Кунацкая — комната в доме или отдельная постройка для гостей в усадьбе у народов Кавказа.

Глава третья

Глава третья

Командующий янычарским корпусом Джахангир-ага лично выехал на поиски укрывшегося в горах противника, взяв с собой довольно большой отряд из наиболее толковых и смелых воинов. Следовало преподать горцам хороший урок и обезопасить себя от повторного нападения.

Янычары молча двигались по узкому карнизу, время от времени поглядывая то наверх, на зубчатую стену гор, то вниз, туда, где скалы уходили отвесом в бурную реку. Если сверху снова обрушатся камни, им несдобровать!

Но вокруг было тихо и пусто; только птицы кружили в вышине, распластав легкие крылья. Дикая, величественная красота этих мест невольно завораживала взор, заставляла забыть обо всем на свете!

Мансур не привык любоваться красотами природы. У него было сосредоточенное выражение лица, он зорко осматривался, готовый к любым неожиданностям. Он уже понял, что здешний народ не склонен к смирению и покорности. Пожалуй, еще нигде он не сталкивался со столь бешеным проявлением ненависти и гордости! Когда янычары вошли в аул, глаза горянок сверкали огнем, их лица были каменно суровы, и любое слово звучало как проклятие. Даже древние старики и малые дети смотрели так, будто вот-вот выхватят из-за пазухи кинжал!

Мысли о жителях селения отвлекли внимание Мансура, потому он не сразу заметил внезапно возникшую на повороте девичью фигурку. Увидев янычар, девушка на мгновение замерла, затем бросилась бежать. Она явно пришла не со стороны Фахама, должно быть, скрывалась в горах. Джахангир-ага дал команду, и его воины бросились ловить беглянку.

Девушка неслась по тропинке, как ветер, рискуя сорваться в реку; ее длинные волосы развевались плащом, а ноги мелькали так быстро, что казалось, они не касаются земли.

Возможно, ей удалось бы убежать, если б она не споткнулась о камень и не упала.

Девушка не успела подняться; один из янычар по имени Илькер в несколько прыжков нагнал ее и навалился сверху, пытаясь скрутить беглянку. Мгновение спустя обмяк и распластался на тропе, дико вытаращив глаза и захлебываясь кровью, которая хлестала из пронзенного лезвием горла.

Черкешенка повернулась к преследователям. Мансур навсегда запомнил этот миг. Темные глаза полны ярости и вместе с тем какого-то отчаянного, пронзительного света, губы крепко сжаты, волосы разметались по плечам, а рука сжимает окровавленный кинжал. Именно такой янычар впервые увидел Мадину.

Девушка вновь бросилась бежать; на сей раз она принялась спускаться по каменистой осыпи к узкой береговой кромке. Вероятно, рассчитывала скрыться за загромождавшими берег большими камнями.

Тогда Ахмед натянул лук. Джахангир-ага одобрительно кивнул — эта дикарка зарезала их воина, стало быть, заслуживает смерти. Возможно, он не стал бы ее казнить, женщину можно наказать по-другому, но нельзя допустить, чтобы она сбежала!

Стрела сорвалась с тетивы и просвистела в воздухе. И тут же вторая, проделав кратчайший путь, сбила первую и бессильно упала на землю.

Стоявший рядом с Мансуром Бекир восхищенно присвистнул. Возмущенный ага не успел произнести ни слова: в следующий миг Мансур кинулся вниз, за беглянкой.

Девушка ловко петляла меж камней, пока путь не преградила огромная глыба, которую нельзя было ни перелезть, ни обойти. Тогда Мадина, не колеблясь, вошла в реку. Черкешенка

ни о чем не думала, ничего не видела и слышала только биение своего юного, неутомимого сердца.

Она по-прежнему не выпускала из рук кинжал. Никогда прежде Мадина не лишала человека жизни, она сделала это впервые и не испытывала ни сомнений, ни страха, ни угрызений совести, только безрассудную решимость и холодную, как сталь, ненависть. Давая ей оружие, Айтек не сказал, что она должна сделать, чтобы не достаться османам, убить себя или врага, но пока у Мадины оставалась хотя бы капля надежды на то, что ее жених жив, она не могла пронзить себя кинжалом.

Со всех сторон ее окружали холодные упругие струи, но девушка не боялась. Быть может, турки не кинутся за ней в реку, и ей удастся переплыть на другой берег! Быстро оглянувшись, Мадина поняла, что ошиблась: османский воин по-прежнему гнался за ней, он молча вошел в воду и брел среди камней, не отводя от девушки сосредоточенного, сурового взгляда.

Как и многие горянки, Мадина умела плавать; правда, прежде она делала это в глубокой, тихой заводи между скалами, а не в быстрой реке. Однако сейчас у нее не было выбора.

Кое-где течение рассекалось большими камнями, вода бурлила вокруг них с яростным шипением, образуя водовороты. Мадина не рассчитала сил, и река понесла ее вперед, ударяя о камни; несколько раз девушка окуналась с головой, беспомощно взмахивая руками и судорожно ловя ртом воздух. Она почти тонула, как вдруг ее подхватили чьи-то сильные руки, вытолкнули на поверхность, а после помогали держаться на воде.

Девушка очнулась на каменистой отмели. Тело болело, кожа была покрыта царапинами и ссадинами, платье изорвано об острые камни. Мадине было холодно в мокрой одежде. Она попыталась встать и застонала; руки и ноги были как ватные, у нее совсем не осталось сил.

Лежавший рядом человек пошевелился и через мгновение склонился над ней. На долю секунды Мадине почудилось, будто это Айтек, но потом она поняла, что видит перед собой того самого турецкого воина, который бросился за ней в погоню. Девушка рванулась в сторону, но Мансур схватил ее, поднял на руки и понес.

В ней вновь пробудились силы, она вырывалась, царапалась и кусалась, но он терпел и не выпускал ее из рук. Противоположный берег темнел вдали, и фигурки янычар на тропе казались игрушечными. Внезапно Мансура посетила странная мысль: не возвращаться назад, подняться по склону, уйти в горы вместе со своей добычей, затеряться там, среди мрачных сосен и гранитных глыб.

Прижимая к груди тонкое и легкое девичье тело, он вдруг ощутил жгучее желание обладать этой девушкой. Мансур понимал, что хочет взять ее не так, как хотел взять ту венгерку, а по-другому, с иным чувством: бережно опустить на землю, осторожно раздеть, нежно и страстно ласкать до бесчувствия, до обморока, до потери разума.

Он перенес Мадину по подвесному мосту, хотя это было нелегко, поскольку черкешенка продолжала сопротивляться. Мансур вовремя отнял у нее кинжал, а без кинжала она была не опасна, потому, выбравшись на берег, он уронил ее на камни, упал рядом, прижал плечи девушки к земле и приник губами к ее губам, стремясь утолить прежде не испытанный, чудовищный, непреодолимый порыв.

Губы пленницы были мягкими, как лепестки цветка, и нежными, как шелк; этот поцелуй мог стать первым поцелуем любви в жизни Мансура. Однако черкешенка плюнула ему в лицо, и он увидел в ее глазах такое отвращение и ненависть, что его сердце вновь превратилось в камень.

Мансур приволок Мадину к поджидавшим на тропе товарищам и бросил им под ноги.

— Она тебя не убила? — усмехнулся Бекир.

Мансур взглянул на свои искусанные руки.

— Нет.

Джахангир-ага похвалил его. Девчонка могла знать, где скрываются другие горцы. Ее следовало допросить сейчас же. Пленницу поставили на ноги и приставили к шее саблю. Руки связали за спиной. Ага жестами объяснил, чего от нее хотят. Девушка молчала. В ее презрительной гордости ощущалась нестигаемая сила. Ага ударил ее по лицу, но пленница продолжала смело и дерзко смотреть ему в глаза. В этот миг Мансуру хотелось отрубить своему командиру руку или разmozжить его череп о камни!

Он не понимал себя. Что-то нарушилось в его душе, какое-то невидимое равновесие, сила внезапно вспыхнувших чувств начала преобладать не только над разумом, а над той казавшейся незыблемой верой, какая внушалась ему с раннего детства. Молодой янычар впервые подумал о войне, как о непоправимом несчастье, как о страшном горе — для тех, по чьим землям волею судьбы пролегают ее кровавые тропы.

— Наверное, она ничего не знает, — услышал Мансур свой собственный голос. — Должно быть, убежала в горы одна и просто хотела вернуться в аул.

— Она убила нашего воина и заслуживает серьезного наказания, — сурово изрек Джахангир-ага.

— Отдайте ее нам, господин, — произнес стоявший рядом Бекир.

— Вам? Нет. После насилия она потеряет цену, — задумчиво промолвил ага, разглядывая черкешенку. — Я отправлю ее в Стамбул. Такая красавица, если сумеет привести ее к покорности, сделает честь гарему самого султана, да будут благословенны дни его жизни!

Мансур сжал челюсти. Он понял замысел своего командира. Джахангир-ага содержал в столице собственный гарем, по большей части состоявший из захваченных на войне пленниц.

— Я отошлю ее в Стамбул вместе с тяжелоранеными воинами и ценными вещами. — Командир сообщил своим подчиненным то, что пожелал нужным сообщить. — Возвращаемся в лагерь. Скоро стемнеет. Продолжим поиски завтра.

Девушку привели в аул и заперли под охраной. Джахангир-ага вновь, уже через толмача, попытался выведать у пленницы, где скрываются непокорные горцы, но она не промолвила ни единого слова.

Больше Мансур не видел черкешенку. Ему удалось узнать, что ее отправили в Стамбул вместе с частью обоза.

Вскоре османы покинули аул и двинулись дальше, на север. Кинжал, данный Мадине Айтеком, остался у Мансура. Случалось, молодой воин вынимал его и разглядывал костяную рукоятку и тонкое лезвие. Мансур знал, что никогда не встретит эту девушку, а потому не сумеет загладить свою вину, и все-таки часто думал... нет, не о том, правильно ли он с ней поступил, а о том, мог ли поступить иначе.

Иногда черкешенка, имени которой ему не довелось узнать, приходила к нему во сне, и Мансур гладил ее густые волосы, ласкал юное тело и говорил слова, какие едва ли был способен произнести в реальности и которые девушка все равно не смогла бы понять, поскольку не говорила на его языке.

Молодой янычар еще не понял, что полюбил, полюбил впервые в жизни, той роковой любовью, что способна как возвысить, так и унижить, как подарить неземное наслаждение, так и ввергнуть в пучину горестей и утраты последних надежд.

Айтек очнулся на пустынном берегу и сразу понял, что жив. Было тяжело дышать, раны болели, тело пробирал озноб. Высоко над головой виднелась полоска синего неба, кое-где заслоняемая хмурыми глыбами гор.

Над ним склонилось тонкое, нежное девичье лицо.

— Мадина! — прошептал юноша.

— Мама, он очнулся!

Асият проворно вскочила на ноги и бросилась к реке. Сложила ладони ковшиком, зачерпнула холодной воды и напоила Айтека.

Подошла Хафиза и присела рядом. Нужно как можно скорее доставить юношу к людям, домой, в тепло, ибо он находился между жизнью и смертью. Однако они с Асият не знали, покинули ли османы аул, как не ведали судьбы своих близких. Они убежали в горы и блуждали там, питаясь ягодами, кореньями и диким медом, пока однажды не увидели лежащего на отмели человека. На свой страх и риск спустились вниз и узнали Айтека. Хафиза промыла и перевязала его раны, приложив к ним пучки целебных трав, и укрыла юношу своим кафтаном.

— Где Мадина? — из последних сил прошептал молодой человек.

Женщина покачала головой.

— Мы не знаем.

Услышав ее ответ, Айтек вновь потерял сознание.

Потом он очнулся в другом месте, под крышей сакли, в постели с разноцветными войлоками и пестрыми шерстяными подушками. На деревянном потолке были вырезаны изречения из Корана. Повернув голову, юноша увидел украшенное красивой резьбой окно, а в нем — кусок голубого неба, пересеченный качавшимися на ветру ветвями деревьев.

Над ним вновь склонилось девичье лицо, и на этот раз Айтек не позволил себе обмунуться.

— Асият! Где Мадина?

От волнения девушка затаила дыхание и не сразу смогла заговорить.

— Мы не знаем, Айтек. Она исчезла. Последний раз ее видели в Фахаме перед уходом османов. Говорят, она выглядела измученной, быть может, ее пытали! Турецкие воины заперли Мадину, а потом увели неведомо куда!

Айтек попытался подняться и не смог.

— Что со мной?

— Ты выздоравливаешь, — мягко промолвила девушка.

Ее глаза сияли. Они были такими же большими и яркими, как у сестры, только их выражение казалось куда более простодушным и наивным. И личико выглядело почти детским. Ну да, ей всего четырнадцать лет! А Мадине шестнадцать, но она уже стала женщиной. Его женщиной. Айтек заскрипел зубами. Куда ее увели, что сделали с ней?!

— Твой отец жив, Асият?

— Да. И братья тоже. Все, кроме Керима.

Айтек попросил:

— Позови отца.

Асият тихо отошла от его постели, втайне обиженная тем, что он не произнес ни единого слова благодарности. Не она ли ночи напролет просиживала возле постели Айтека, не она ли поила его целебными отварами! Последнее время девушку одолевало неосознанное томление, непонятное беспокойство, похожее на неведомую болезнь. Об этом никто не знал, и никто не мог дать ей совет. Асият молчала, она хорошо понимала, как много горестей и забот у ее родных — у матери, потерявшей младшего сына, у отца, который всеми силами пытался восстановить разрушенную и разграбленную усадьбу.

Ливан подошел; его походка была тяжела, и он отводил взгляд. Отец Мадины должен был сообщить Айтеку о многом. О том, что его отец погиб в бою с османами, а мать, не выдержав горя, думая, что лишилась и мужа, и сына, бросилась с балкона сакли и разбилась насмерть и отныне усадьба стоит пустая. О том, что, вероятнее всего, Мадина никогда не вернется в родной аул.

Услышав страшные новости, Айтек на мгновение закрыл глаза. Внезапно молодому человеку почудилось, будто ему привиделся жуткий сон, и эти слова, эти люди — всего лишь часть кошмара, который исчезнет, едва настанет утро.

Однако кошмар не исчез, и оставалось только жить с тем, что он узнал, с тем, чего не мог изменить.

Когда Айтек первый раз вышел во двор, ему показалось, будто солнце потускнело, а деревья качаются больше обычного. Молодой человек пошатнулся. Он не понимал, для чего остался жить, и его взор был полон отчаяния. Вчера Айтек сказал Ливану, что пойдет искать Мадину, но отец девушки возразил:

— Не стоит. Мою дочь увели в неведомые края, и искать ее — все равно, что искать в воздушном океане невидимый ключ. Если ты веришь в то, что она жива, верь. Даже капля веры способна проложить путь к спасению. Как и капля любви. Мы тоже будем верить в то, что когда-нибудь Мадина вернется домой!

Юноша промолчал, тогда Ливан добавил:

— Оставайся у нас сколько захочешь. Отныне наш дом — твой дом, и ты нам как сын.

— Спасибо, — тяжело обронил Айтек. — Я поживу у вас до тех пор, пока окончательно не выздоровею, а потом мне надо идти к себе.

Он знал, что отец Мадины прав. Жизнь любого смертного подобна плаванию в безбрежном океане неведомо откуда и куда и не стоит стремиться изменить судьбу, ибо все в руках Аллаха. Долг человека заботиться о том, что находится рядом с ним: ему нужно вернуться в свою усадьбу, возделывать поля, восстанавливать имущество и ни в коем случае не поддаваться унынию. Бог, держащий его сердце в невидимых ладонях, должен даровать ему успокоение и надежду.

Асият смотрела Айтеку в глаза, пытаясь утешить, если не словом, то взглядом. Но он не видел девушку, перед его взором стояла Мадина в золотистой шапочке на густых каштановых волосах, красном платье, облегающем юное тело, выглядывающих из-под подола сафьяновых туфельках, со светлой улыбкой на алых губах и сверкающими темными глазами.

Они принадлежали друг другу шесть дней, и эти дни стали для Айтека истинной жизнью. Все остальное — и прошлое и будущее — казалось прахом и не имело никакого значения.

Глава четвертая

1660 год, Стамбул, Турция

День за днем вокруг кипела яркая жизнь. Глазам открывался прежде невиданный, необъятный простор: бесконечные равнины и небо, которое не охватишь взглядом! Несмотря на жестокие потрясения, Мадина была слишком юной для того, чтобы без конца грустить, и смотрела на мир широко распахнутыми глазами. Она не могла представить, что земля столь многообразна и живописна!

Девушка шла пешком, иногда ехала в повозке. Караван двигался медленно; за время путешествия Мадина научилась понимать язык тех, кто ее пленил, и понемногу складывать труднопроизносимые незнакомые слова. Конечно, она пыталась бежать, но караван хорошо охранялся, и пленнице сразу дали понять, что если она не будет вести себя смирно, ей не поздоровится.

Мадина знала, что непокорных невольниц не бьют плетью, дабы они не потеряли в цене, а поят неведомым зельем, после чего они становятся слабыми и безвольными. О нет, она предпочитала сохранить силу тела и ясность разума — так будет проще избежать той участи, которую уготовила судьба!

Потом юная черкешенка увидела Стамбул, опоясанный белоснежными крепостными стенами город, со стрелами минаретов, высоко вознесенными в чистое небо, множеством красивейших зданий и великолепных садов. Хотя многие улицы были плохо вымощены, узки, темны и выглядели весьма неопрятно, они удивили Мадину своей протяженностью и скоплением народа. Никогда и нигде девушка не видела столько заваленных товарами лавок, крикливых, шумных людей. Здешние женщины одевались так, что были видны только глаза, тогда как жительницы ее родного аула никогда не закрывали своих лиц.

Больше всего Мадину поразило море; исчерченное белыми полосками волн, оно простиралось перед ней насколько хватало глаз. Девушка уже видела казавшиеся бесконечными степи, но не могла представить, что на свете существует водный простор, раскинувшийся до самого края небес! Запахи моря были будоражащими и резкими, они жгли ноздри, дразнили и влекли, как влечет новизна. Мадина подставляла лицо соленому ветру и наслаждалась его влажным дыханием.

Ее привели в незнакомый, окруженный садом дом и передали на попечение злой и подозрительной старухи, которая окинула девушку недобрый взглядом и велела подождать во дворе. От нечего делать Мадина разглядывала особняк, двухэтажный, с нависавшей над закрытыми балконами крышей. Во дворе был фонтан, мраморные скамьи и множество пылающих яркими цветами клумб.

Девушке хотелось пить и есть, а еще больше она желала присесть: в последнее время Мадина часто уставала, быть может, от перемены климата и не спадавшей даже ночью жары.

Старуха приковыляла обратно и сказала:

— Мне прочитали бумагу, которую прислал господин. Он велел устроить тебя в своем гареме и дожидаться его приезда. Он пишет, что ты строптива, и велел строго присматривать за тобой. Ты понимаешь мои слова?

Девушка нехотя кивнула, тогда старуха продолжила:

— Тебе нужно вымыться, ты слишком грязна. Я дам тебе другую одежду. Еще я должна тебя осмотреть, чтобы узнать, нет ли у тебя телесных пороков. Меня зовут Шади, ты должна меня слушаться.

Старуха отвела девушку на задний двор, велела раздеться и влезть в бак, полный нагретой солнцем воды, а после купания протянула новую одежду: цветные шаровары, тонкую и легкую, как паутинка, рубашку, блузку из стеганой ткани темно-зеленого цвета, туфли без зад-

ника из покрытой орнаментом кожи, четырехугольную шапочку красного сукна. Потом напo-ила Мадину смесью кислого молока с холодной водой, накормила лепешками и фруктами.

— Теперь иди за мной.

Шади привела черкешенку в застланную коврами комнату во втором этаже дома, велела снять одежду и лечь на низкий, обложенный вышитыми подушками диван. Мадина не двигалась; взгляд ее больших карих глаз прожигал старуху насквозь.

— Что застыла? Не понимаешь?

Шади ударила девушку по лицу и тут же получила ответную оплеуху. В родном ауле Мадину учили уважать старших, но в этом незнакомом и враждебном мире все прежние правила утратили силу. Нужно было защищаться и выживать любой ценой.

Старуха мигom подняла крик, и в комнату ворвался пестро одетый мужчина, за ним еще один. Это были евнухи. Они схватили непокорную черкешенку, скрутили ей руки, взяли за ноги, и девушка почувствовала на своем теле безжалостное и бесцеремонное прикосновение твердых пальцев Шади.

Через полчаса Мадина сидела в углу дивана, прижав к обнаженной груди ворох одежды и опустив голову. Растрепанные волосы скрывали лицо. Пережитое унижение жгло душу раскаленным железом.

— Мало того, что ты не девственница, так еще и беременна! — сердито заявила Шади. — В письме господина нет ни слова об этом; судя по всему, он был уверен в том, что ты нетронута. Кто сделал это с тобой? Караванчики? Или воины господина?

— Я принадлежала и буду принадлежать единственному мужчине, тому, за которого должна была выйти и выйду замуж! — вскричала Мадина. — Он моего народа, он честен, смел и не похож на тех шелудивых псов, о которых ты говоришь!

Она вскинула голову, и на ее лице вспыхнул отсвет той яркой радости, что только что вошла в отчаявшееся сердце. Ребенок! Ее и Айтека! Какая неожиданность и какое счастье! Ее грудь переполняли невысказанные слова и невыносимая по силе и страданиям любовь.

Старуха усмехнулась.

— Ты красива, не спорю, и тело твое безупречно. И все же на месте хозяина я не стала бы тебя брать, ибо твоя душа отравлена ядом непокорности и вольнодумства. Нет ничего хуже женщины, которая считает, что может распоряжаться собой. Господин решит, что с тобой делать. Придется подождать его возвращения с войны. Я не пущу тебя к остальным, будешь сидеть взаперти и ждать появления младенца.

С этими словами она отобрала у Мадины новую красивую одежду и небрежно швырнула простую рубашку и полотняные штаны. Потом велела спуститься в подвал и заперла девушку на ключ.

Потянулись длинные, одинокие, похожие друг на друга дни. Каждый день Мадину ненадолго выпускали во двор, а остальную часть времени она сидела в полутемной комнате на бедно убранном ложе. К ней никто не приходил и никто не разговаривал с ней, только приносили еду. Кормили хорошо, но ей далеко не всегда хотелось есть.

Лицо девушки осунулось, его черты обозначились резче, упрямый взгляд глубоких темных глаз выдавал упорные и нелегкие думы. Она тосковала по своим родным, по недостижимым горизонтам и многозвездному небу, по не стесненным стенами и решетками движениям, по вольному воздуху и живым запахам природы. Она страдала оттого, что не знала, жив ли Айтек и что думает семья о ее судьбе.

Мадина не верила в то, что навеки разлучилась с прошлым. Она твердо знала: Бог следит за каждым порывом человеческой души и не оставляет людей своим милосердием. Потому нужно надеяться и верить.

Черкешенка чутко следила за жизнью, которая развивалась в ее теле, прислушивалась к ее движениям и улыбалась таинственной, тонкой и нежной улыбкой.

Однажды в маленьком оконце под самым потолком ее тюрьмы появилось незнакомое молодое лицо.

Мадина слезла с ложа и подошла поближе. Незнакомка приложила палец к губам и быстро прошептала:

— Меня зовут Айсун, я одна из наложниц господина. Я слышала, что ты давно сидишь в этом подвале и что скоро у тебя появится ребенок. Это правда?

Мадина кивнула, и Айсун продолжила:

— Никому из нас не позволяют рожать. Мы здесь для того, чтобы служить утехой господину. Он не хочет иметь детей, потому что жизнь воина слишком опасна. Джахангир-ага высокий начальник, он боится, что его дети могут стать заложниками или погибнуть, если его судьба переменится.

— Отец моего ребенка не ваш господин, — ответила Мадина и спросила: — Давно ты здесь живешь?

Айсун грустно улыбнулась.

— Я не считаю времени. Все восходы и закаты для меня одинаковы. Жизнь ненадолго меняется только тогда, когда приходит господин. Но это бывает редко: он все время на войне, к тому же кроме меня здесь есть другие девушки. Мы никогда не знаем, кого он выберет.

Мадина твердо произнесла:

— Я не хочу так жить! Рядом со мной никогда не будет хозяина, только человек, которого я люблю и который любит меня.

— Откуда ты? — любопытствовала Айсун.

— Я родилась в краю, где горы касаются неба, где лица людей открыты, души чисты, как вода, а сердца свободны как ветер!

— Ты сильная, — сказала Айсун. — На твоём месте я бы долго не выдержала.

— Просто мне есть для чего жить.

С тех пор юная турчанка тайком навещала Мадину и говорила с ней.

Однажды Мадина сдавленным голосом попросила Айсун кого-нибудь позвать. У нее начались роды. Молодая женщина не хотела вручать свою судьбу враждебным людям, но она не была уверена в том, что справится сама.

Мадина мужественно выдержала натиск боли и издала ни единого звука, пока Шади принимала ребенка. Это был мальчик, на вид здоровый и крепкий. Теперь оставалось дожидаться хозяина и его решения.

Скрепя сердце Шади принесла все, что необходимо ребенку, перевела Мадину в другую, удобную, светлую и просторную комнату и дала ей в помощь служанку. Неизвестно, что скажет Джахангир-ага, если увидит, что с девушкой обращаются как с преступницей и если младенец умрет от плохого ухода!

Иногда Мадина пела ребенку, сидя на скамье в саду. Она закрывала глаза и представляла, что находится дома и сидит на большом, нагретом солнцем камне. Над головой качаются ветви деревьев, внизу шумит река, в горах звенит ветер. Ее высокий голос был полон трепетной нежности. В песне звучало счастье пополам с тоской по родным местам. В такие минуты обитательницы гарема, случалось, смахивали непрошенные слезы.

Ночью, глядя на лучистые гроздья звезд, Мадина думала о том, что, возможно, эти же звезды сейчас видит Айтек. Потом ее сердце внезапно холодело, и она судорожно сжимала пальцы. Что если он давно лежит в могиле? Если они разлучены навечно не потому, что разорвалась та невидимая волшебная нить, что соединяет сердца, не оттого, что их разделяет огромное расстояние, а потому, что один из них навеки расстался с земной жизнью?

Пытаясь успокоиться, Мадина повторяла, как заклинание: «Я должна во что бы то ни стало вернуться домой и воспитать своего сына в родном ауле, среди народа, к которому он

принадлежит». Опасаясь за жизнь ребенка, она оставила мысли о побеге. Оставалось только ждать, ждать, ждать...

Она дождалась. Джахангир-ага приехал с войны. Мадина видела из окна, как слуги и служанки высыпали во двор и угодливо кланялись статному человеку с пышным тюрбаном на голове и богато украшенной саблей на поясе.

Вероятно, Джахангир-ага спросил о ней, потому что девушка слышала, как Шади сказала:

— Эта дрянь родила ребенка. Говорит, от какого-то парня из своего селения. Она очень строптивая, не знает никаких обычаев, не признает правил — настоящая дикарка!

— Не твоя ли обязанность научить ее всему, что она должна знать и уметь делать, Шади?
— усмехнулся мужчина и приказал: — Приведите девушку!

Ноздри хищно изогнутого носа Джахангира затрепетали, а надменные губы дрогнули, когда Мадина встала перед ним, прямая как, струна, дерзко глядя в его лицо большими блестящими глазами. В выражении ее лица было столько непримиримости и бесстрашия, что мужчина невольно поморщился. Он привык к женской покорности, а эта убившая янычара девушка с легкостью пронзила бы кинжалом любого другого, кто посмел бы посягнуть на ее свободу и честь.

«Нет спасенья тому, кто ее увидел, его сердце не исцелится вовек», — подумал командующий янычарским корпусом. И произнес вслух:

— Мои ожидания не оправдались. Эту девушку придется продать.

— А мальчишка? — спросила Шади.

— Вместе с мальчишкой. По крайней мере, будет сразу понятно, какой товар мы предлагаем. Пусть судьбу и черкешенки, и ребенка решает новый хозяин. В молодости я повидал довольно жесткости, когда мы ездили по городам и селам и отнимали у гяуров[1] детей, и больше не хочу слышать женские вопли!

Джахангир-ага не желал поддаваться искушению стать рабом страсти, ибо это недостойно мужчины и губительно для воина. Янычар должен со всей силой мысли и предельным напряжением духа стремиться к воинской доблести, а не к победам на ложе любви. Женщина — не первое, а последнее в судьбе истинного воина: это старались помнить его подчиненные, и всегда знал он сам.

С такими мыслями Джахангир-ага махнул рукой и покинул двор, не пожелав повидать ни одну из своих наложниц. А Мадина поняла, что ее ждут новые испытания, куда более неожиданные и страшные, чем прежде.

Янычарские казармы были огромны, одновременно в них могло проживать десять — двенадцать тысяч человек. Не знающие жалости и сомнений, подчиненные строгой дисциплине воины составляли могущество и силу верховной власти Османской империи. Янычары не имели права заводить семьи, заниматься ремеслом и торговлей и все свободное от походов время тратили на военные упражнения. Их судьбой была суровая, полная лишений жизнь, и они едва ли променяли бы ее на другую, ибо их опьяняло сознание собственной незаменимости. Они гордились своей способностью внушать страх и единоверцам, и гяурам.

Последний поход не принес Мансуру удовлетворения. Он знал, что для турецкого войска нет ничего невозможного, что этот огромный, вечно движущийся поток преодолеет любые преграды, сломает, уничтожит и исковеркает все. Он привык спокойно идти на гибель и сеять смерть, чувствуя себя свободным от какой бы то ни было ответственности за то, что совершил.

Однако с некоторых пор Мансур ощущал себя человеком, разом потерявшим то, что ему удалось накопить за всю прожитую жизнь. Это было мучительно, а главное — непонятно. Однажды он поделился своими мыслями с Бекиром, и тот быстро расставил все по местам:

— Просто ты не знаешь, для чего живешь. К деньгам равнодушен, женщины тебя не интересуют, на воинскую карьеру тебе наплевать. Ты будто видишь сон и ждешь, когда наконец проснешься!

Мансур сосредоточенно смотрел в одну точку.

— Мне всегда говорили, что я живу ради войны.

Бекир рассмеялся.

— Кто говорил, Джахангир-ага? Посмотри, какой у него дом, сколько драгоценного оружия, денег, слуг и наложниц! Он получает огромное жалованье! — И подытожил: — Человек не может жить ради войны, он живет для самого себя и служит самому себе.

— Мы служим султану.

— Ты его видел?

— Издалека.

Бекир кивнул.

— Как солнце. Но то, по крайней мере, греет! Султану нет до тебя никакого дела, ты для него — ничто.

— Я этого не понимаю, — медленно произнес Мансур.

— В том-то вся и беда! Оглянись вокруг! Война — не цель, а всего лишь средство. Для всех. В том числе и для нас.

Мансур вскинул затуманенный взор.

— Отчего ты думаешь так, а я по-другому?

— Потому как, что бы нам ни говорили, мы все слишком разные. Наши командиры пытались и пытаются сделать солдат одинаковыми, но у них ничего не получится.

— Почему?

— Потому что Аллах сотворил нас каждого в отдельности, — уверенно произнес Бекир и прибавил с иронией, в которой сквозила горечь: — Говорят, человек может жить ради кого-то, но нам такое, к счастью, не грозит. Ни жен, ни детей, ни родителей, ни семьи... Только казарма, соратники и война.

Они сидели возле казармы на большом бревне. Стемнело; иные звезды были бледными и низкими, зато другие пронзали небо яркой желтизной. Мансур молчал. Он думал о покорности и силе. Силе сабли, кинжала и плети и подчинению этой силе — противоположной той сладкой покорности, которую дарует сила любви и какой он до сей поры не изведal.

— Скажи, часто ли ты думал о тех народах, которые завоевывал, о тех людях, которых убивал?

— Нет. Зачем об этом думать?

Мансур согласно кивнул, но сказал:

— Просто я недавно понял, что мы — часть их, а они — часть нашей судьбы.

Они молчали. Их окружала бездна. Бездна ночи, бездна вопросов, на которые нет ответа. Потом Мансур нерешительно промолвил:

— Послушай, Бекир, не мог бы ты узнать о судьбе той черкешенки, что убила Илькера? Кажется, Джахангир-ага собирался отправить ее в Стамбул...

Бекир, славившийся умением разведывать самые немыслимые тайны, едва не подпрыгнул от неожиданности и воскликнул:

— Мансур! К твоим услугам десятки прекрасных пленниц, но нет — тебе понадобилась безумная черкешенка, которая зарезала твоего товарища и наверняка выцарапает глаза тебе!

— Все же я хочу, чтобы ты узнал о том, где она и что с ней, — упрямо произнес молодой воин.

Бекир пожал плечами и ничего не ответил. Прошло несколько дней. Янычарам было выплачено жалованье за несколько месяцев, выданы деньги на новое оружие и одежду. Днем воины совершенствовались в стрельбе из ружья и лука, метании кинжала и владении саблей, а по вечерам собирались вокруг огромных медных котлов, в которых варился плов, и разговаривали — как всегда, о походах, военной добыче, о своих командирах и женщинах.

Все эти дни Мансур томился странным, волнующим, трепетным ожиданием. Если б Бекир сказал, что о судьбе черкешенки ничего не известно, молодой янычар, наверное, смирился бы и постарался ее забыть. Но на исходе шестого дня товарищ подошел к Мансуру и, положив руку на его плечо, небрежно произнес:

— С тебя бакшиш[2]! Черкешенку привезли в гарем Джахангир-аги еще осенью, а зимой она родила ребенка!

Лицо Мансура исказилось.

— Родила?!

— Да. Кто отец — неизвестно. Часом не ты? Впрочем, ты не умеешь пользоваться случаем...

Глаза Мансура из синих сделались стальными, и Бекир поспешно умолк. Его товарищ был не из тех, кто спокойно сносит насмешки. Он мог ударить сразу, без предупреждения, причем не кулаком, а саблей.

— Джахангир-ага был очень удивлен и огорчен и распорядился продать девушку, — продолжил Бекир.

Мансур почувствовал, как во рту пересохло, а объятые невидимым пламенем сердце отчаянно забились в груди.

— Уже продали?

— Пока нет. Завтра поведут на закрытый невольничий рынок в Эйбе.[3]

— Я пойду туда на рассвете, — твердо произнес Мансур. — Ты дашь мне денег?

— Так ведь нам только что выдали жалованье! Неужели ты думаешь, что тебе не хватит денег?! Строптивая пленница, уже потерявшая невинность, да еще с ребенком, не может дорого стоить! На что она тебе, Мансур, что ты будешь с ней делать? Тебе придется поселить ее где-то и навещать тайком. А что с ней станет, когда ты снова отправишься в поход? — воскликнул Бекир.

— Потому я и прошу у тебя взаймы.

— Ты не сможешь уйти до утренней поверки, а потом нам нужно идти на плац. Джахангир-ага тебя не отпустит.

— Я не стану спрашивать! Уйду и все.

Глаза Мансура неподвижно и упорно смотрели сквозь Бекира на что-то, видимое ему одному, а в голосе звучала железная твердость.

Бекир покачал головой.

— Я буду молиться, чтобы тебя покинуло это безумие!

Мансур тихо сказал:

— Лучше помолись за мое сердце.

[1] Гяур — у исповедующих ислам название всех немусульман.

[2] Бакшиш — подарок, деньги на чай, взятка.

[3] Один из районов Стамбула.

Глава пятая

Глава пятая

Бекир оказался прав: Мансуру не удалось выбраться в город до полудня, и теперь он почти бежал по узким улочкам Стамбула.

С холма открывался великолепный вид на залитый солнцем пейзаж. Покрытые свинцом купола сералей[1] и позолоченные верхушки напоминавших огромные стрелы минаретов ярко сверкали на светло-синем фоне бухты, носящей название Золотой Рог. С моря дул освежающий бриз, серебристые листья деревьев на набережной трепетали в неистовом танце, а водную гладь весело бороздили каики[2].

Брови Мансура были нахмурены, глаза сверкали, губы были плотно сжаты, ноздри вздрагивали. Так он обычно выглядел перед боем.

Сейчас молодой янычар ощущал себя по-другому: беспомощным, встревоженным и ранимым — потому что не знал, с кем и с чем придется бороться. Он находился во власти нестигаемой решимости и вместе с тем испытывал смятение оттого, что поддался искушению своей души, своего сердца.

Мансур очень хотел и в то же время боялся увидеть девушку и беспрестанно терзался самыми разными мыслями. Что если ее уже купили и увели? Как ему отыскать черкешенку, ведь он даже не знает ее имени! А если, узнав его, она снова плюнет ему в лицо? А если она его не вспомнит? Порой Мансуру чудилось, будто он не посмеет встретить взгляд девушки и не решится вымолвить ни единого слова.

Эта часть города была ему незнакома; то и дело приходилось останавливаться и спрашивать дорогу. Наконец Мансур добрался до рынка, на котором продавались невольницы.

Согласно закону, рабынями могли признаваться только захваченные на войне немусульманки, но выгода от торговли красивыми девушками была столь велика, что и продавцы, и покупатели закрывали глаза на то, что не меньше половины невольниц исповедовали ислам.

Мансур вошел в квадратный двор, где собралось более полусотни покупателей, которые разглядывали живой товар. Иные девушки были в покрывалах, лица других оставались открытыми. Невольницы неподвижно сидели в тени большого портика, склонив головы и не поднимая глаз. Кожа некоторых из них была почти белой; встречались и очень темные, почти черные.

Среди неспешно прогуливающихся по двору мужчин было немало пожилых и дородных, облаченных в дорожные тяжелые одежды. Увидев многочисленную, хорошо вооруженную охрану, Мансур испытал досаду, поскольку в случае неудачи с покупкой надеялся решить вопрос силой.

Янычар принялся искать девушку. Он надеялся, что ее лицо открыто. К тому же она должна быть не одна.

Он почти отчаялся увидеть черкешенку, как вдруг она появилась из глубины портика, подгоняемая безжалостными толчками в спину. Мансур замер. Девушка осталась такой же прекрасной, хотя выглядела намного взрослее, чем тогда, когда Мансур впервые встретил ее в горах Кавказа. Ее яркий наряд играл красками и переливался на солнце, но лицо было замкнутым и суровым, а в настороженном взгляде больших карих глаз сквозила непримиримость и сияла тайная надежда. Она не казалась ни беспомощной, ни покорной, она была готова к борьбе за свою судьбу и свободу.

Юная черкешенка бережно прижимала к груди небольшой продолговатый сверток. Ребенок! Душу Мансура обожгла ревность. Кому могла отдаться эта гордая девушка? Может быть, ее взяли силой? Он невольно стиснул челюсти и сжал кулаки.

Мансур искал взглядом человека, у которого можно спросить о цене невольницы, когда внезапно заметил высокого представительного мужчину, который подошел к девушке, хозяйски приподнял ее голову за подбородок и что-то спросил. Черкешенка не ответила, только крепче прижала к себе ребенка.

Янычар понял, что опоздал и что девушка продана. Обуреваемый отчаянием, он резко устремился вперед и отрывисто произнес:

— Эфенди[3]! Зачем она вам?! Отдайте ее мне! Я заплачу любую цену!

Человек медленно повернулся и впился холодным взглядом в пылающее лицо Мансура. Тут же к нему приблизились четыре вооруженных до зубов охранника. Янычар почувствовал себя беспомощным, чего никогда не случалось на войне.

— Если я приобрел товар, значит, он мне нужен. Я заплатил столько, сколько заплатил, и не собираюсь перепродавать эту девушку, — отрезал мужчина.

Мансур перевел взгляд на прекрасную невольницу. Узнала ли она его? Едва ли... Для нее он был одним из многих чужих и враждебных людей.

Купивший черкешенку господин вышел за ворота, сел на коня и уехал в сопровождении двоих охранников, а пешие слуги повели девушку по улицам. Мансур пошел следом. Он двигался на расстоянии, чтобы не привлекать внимания, и сам не знал, на что надеется.

Ладонь крепко сжимала эфес сабли. Молодой янычар с детства привык считать ее частью своей жизни, частью себя. Она помогала ему жить, выживать, идти вперед и не теряться в этом мире.

Глаза невольно искали наиболее удачное для нападения место, и оно нашлось — в узком, темном и безлюдном переулке.

Мансур напал яростно и внезапно, не задумываясь ни о последствиях своего безумного поступка, ни о численном превосходстве противника. Скрестились и зазвенели клинки. Взвилась вверх тонкая белая, поднятая ногами пыль.

Черкешенка испуганно отпрянула и прижалась к стене. Пара сильных и точных ударов — Мансур освободил путь и очутился возле девушки. На разговоры и объяснения не было времени, но янычар надеялся, что пленница его поймет, а главное — поверит в то, что он желает ей помочь.

Их взгляды встретились всего на секунду. Мансур увидел в глазах черкешенки если не понимание, то смелость, согласие, готовность рискнуть.

— Бежим!

Он схватил ее за руку и потянул за собой. Ошеломленные неожиданным нападением противники Мансура бросились следом.

Девушке мешала длинная одежда, да еще живая ноша, и она едва поспевала за Мансуром. А он сжимал ее нежную прохладную ладонь с таким чувством, словно поймал нить судьбы.

Из-за поворота выскочили вооруженные люди — это была городская стража. Привлеченные шумом войны ринулись навстречу янычару и черкешенке. Мансур издал сдавленный полурык-полустон. Он отпустил руку девушки и оглянулся. Из переулка доносился бурный топот преследователей. Янычар понял, что через несколько мгновений его или схватят, или убьют. Бежать было некуда. Оставалось принять бой, сдаться или... взмыть в небо и улететь!

Мансур поднял глаза и в следующую секунду решил, что сумеет взобраться на крышу ближайшего дома, зацепившись за решетку выступающего над нижним этажом балкона. Потом посмотрел на девушку так, будто его покидала жизнь.

Янычар не успел сказать черкешенке ни слова, только сунул ей в руку оружие, короткий кинжал с резной костяной рукояткой. То был черкесский кинжал. Кинжал Айтека.

Мадина стояла посреди улочки, ошеломленная, испуганная, с затуманенным взором — героиня и жертва дикого смерча, в который внезапно превратилась действительность. Ее пер-

вым желанием и мыслью было защитить и успокоить расплакавшегося ребенка, и она прижала его к груди, баюкая и целуя.

Мужчины, обнаружив, что девушка невредима, успокоились и повели ее обратно. По дороге пытались узнать, откуда взялся этот бешеный янычар и что ему было нужно. Мадина молчала, как молчала уже несколько дней — с тех пор, как узнала, что ее и сына хотят продать и продадут, словно вещи или скот.

Все это время пленница убеждала себя в том, что готова снести что угодно, лишь бы ее не разлучили с ребенком, но сейчас, ощутив в ладони холодную сталь, поняла, что покорность подобна смерти.

Она спрятала кинжал в рукаве. Мадина не разглядывала оружие — ей было не до этого. Она так же не задавалась вопросом, чего хотел от нее неизвестный воин, почему стремился похитить. Желал ли освободить и спасти или стремился вовлечь в новый плен? Кто его послал?

Девушку подвели к массивным каменным воротам, возле которых дремали два стражника. Глядя на высокие серые стены, было невозможно сделать вывод о богатстве и статусе того, кто жил внутри.

Между тем это был далеко не последний в столице Оманской империи человек, эмин[4] Асфандияр-ага.

Асфандияр-ага принадлежал к тому огромному количеству людей, что живут сознанием своей исключительности, но при этом существуют под гнетом множества обязанностей по отношению к государству и власти и не являются хозяевами своей жизни. К тем, чей мир есть мир лицемерия, дурных привычек, пустых грез, ненужных сомнений — темница для разума и души.

Асфандияр-ага родился в Стамбуле, свою приносящую немалую выгоду должность унаследовал от отца, жил в большом и богатом доме, в окружении дорогих вещей, прекрасных наложниц и угодливых слуг. И, как ни странно, порою ощущал себя несчастным.

Жизнь должна приносить удовлетворение, пища — радовать вкусом, любовь — изумлять новизной. Ничего этого не было: к тридцати годам Асфандияр-ага знал все и все испробовал, его тошнило от денег, а любовные объятия навевали скуку. Он слишком хорошо знал, что нужно от него женщинам, а ему — от них, и устал от притворного сладострастия и покорности. Надежда на наслаждения в «садах Аллаха»[5] тоже не вдохновляла. Человеческая вера в блаженство души после смерти проистекает из неудовлетворенности тем, что имеешь в земной жизни, а Асфандияр-ага имел все или почти все. По крайней мере, он не мог ответить на вопрос, что бы еще хотел получить, какие блага помогли бы ему вернуть интерес к собственному существованию.

Когда он посещал хамам для избранных и, возлежа на диване после расслабляющего массажа, пил с приятелями кофе и курил кальян, то убеждался, что некоторые из них так же пресытились и богатством, и властью, и женщинами.

— Даже красивые женщины могут быть до ужаса одинаковыми, и даже самые искусные из них могут надоесть. Увы, наше тело, как и наша душа, — есть сосуд, который нельзя наполнять до бесконечности, — сказал недавно один из них на дружеской вечеринке.

— Я привез с войны девушку, которая показалась мне непохожей на остальных, — небрежно заметил командир янычар Джахангир-ага, человек, с которым эмин считал нужным поддерживать приятельские отношения. — Но она успела потерять невинность, кроме того, умудрилась зарезать одного из моих воинов.

— Она мусульманка?

— Да. Черкешенка.

— И чем она отличается от остальных женщин? Тем, что способна убить? — поинтересовался Асфандияр-ага.

— Я не знаю, как это можно объяснить. Ее нужно увидеть. Она очень красива, кажется воплощением соблазна и вызывает острое, как нож, желание обладать ею. Но в последний момент вдруг понимаешь, что испытывать к ней страсть все равно, что падать в темный колодец, не имеющий дна. Она не покорится. А брать ее силой не хочется.

— И что вы намерены с ней сделать?

— Продам на невольничьем рынке вместе с мальчишкой, которого она родила неизвестно от кого. Уже договорился с посредником. Продаю не ради выгоды, а чтобы избавиться и забыть.

Асфандияр-ага недоуменно пожал плечами, и командир янычар прибавил:

— В нашей жизни без того немало искушений.

Чем больше искушений, тем интересней и слаще жизнь! Эмин не понял собеседника, но возражать не стал. А на следующий день отправился на рынок в Эйбе. Девушка правда оказалась очень красивой, даже на взгляд знатока женских прелестей; взор ее ярких карих глаз завораживал и отчасти пугал. При каждом движении прикрытые тонкой рубашкой груди колыхались под одеждой, словно бутоны колеблемых ветром роз, талию можно было обхватить ладонями, а волосы напоминали спутанный шелк.

Пленница недорого стоила, потому Асфандияр-ага не стал торговаться и купил ее вместе с младенцем. Он спросил ее имя, но черкешенка не ответила. В молчании невольницы таилась дерзость.

Эмин разозлился, но не подал вида. Он решил, что ляжет с девушкой сегодня же ночью, а если она не захочет подпускать его к себе, пригрозит тем, что отнимет у нее ребенка. Асфандияр-ага сразу понял: ее бесполезно приручать, нет смысла возлагать надежду на долгое ожидание и дорогие подарки.

Эмин не считал себя жестоким, просто он обладал особым чувством справедливости, свойственным человеку, облеченному большой властью. Он судил Мадину так, как судил бы мытаря[6], который утаил деньги, да еще посмел бы заявить, что это его право!

Новую наложницу привели в убранную роскошными тканями комнату с мягкой софой, этажерками расписного дерева и забранном жалюзи окном. Мадина развернула мокрые пеленки и попросила тихую, как тень, служанку принести каких-нибудь тряпок. Та молча исполнила просьбу и тотчас ушла.

Мадина перепеленала и покормила сына, потом осторожно опустила спящего ребенка на диван. Она измучилась, переволновалась, устала и с удовольствием прилегла бы сама, но знала, что нужно быть начеку.

Девушка вынула из рукава кинжал, который дал ей воин, и обомлела. Изящное узкое лезвие, костяная рукоятка, украшенная любовно вырезанным узором! Кинжал Айтека! Ее испуг был таким сильным, что оружие выскользнуло из дрожащих пальцев и упало на пол. Мадина рухнула на колени, изумленная и испуганная чудесным знаменем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.